

НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЖИЛИЩА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ И ПРАКТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

*Работа представлена кафедрой уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России.*

Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент С. Д. Шестакова

В статье анализируются проблемы реализации в нормах УПК РФ права на уважение частной (личной) жизни и жилища, гарантированного Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод. Нормы УПК РФ сужают понятие жилища по сравнению с тем, как его определяет Европейский суд по правам человека для целей ст. 8 Конвенции. В результате при производстве по уголовным делам нарушается конвенционное право на уважение жилища и частной (личной) жизни.

The article is devoted to the problem of realising the right to respect for privacy and dwelling guaranteed by the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the regulations of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Regulations of the Code specialise the concept of dwelling as compared with the definition given by the European Court of Human Rights concerning the Article 8 of the Convention. As a consequence, the conventional right to respect for privacy and dwelling is violated in criminal proceedings.

Одной из актуальных проблем российского уголовного процесса является реализация в нормах УПК РФ положений Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. К числу таких положений относится гарантированное ст. 8 Конвенции право на уважение частной (личной) жизни и жилища.

УПК РФ определяет жилище как «индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение используемое для постоянного или временного проживания, а рав-

но иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но используемое для временного проживания» (п. 10 ст. 5).

Согласно УПК РФ, судебное разрешение требуется лишь для производства таких видов обыска, как обыск в жилище (п. 5 ч. 1 ст. 29), личный обыск, за исключением случаев, предусмотренных ст. 93 УПК РФ (п. 6 ч. 1 ст. 29), а также осмотра жилища без согласия проживающих в нем лиц (п. 4 ч. 1 ст. 29).

Таким образом, по нормам УПК РФ обыски служебных помещений, в том числе офисов частных организаций, производят-

ся без судебного разрешения только лишь на основании постановления следователя¹.

Европейский суд по правам человека неоднократно истолковывал понятие жилище в смысле ст. 8 Конвенции. Ведущими решениями по данному вопросу являются решения по делам «Нимитц против Германии», «Чапелл против Соединенного Королевства» и «Общество “Кола Эст” и другие против Франции».

Нимитц (гражданин ФРГ, по профессии адвокат, житель г. Фрайбурга на Бризгау, в течение нескольких лет был председателем местной политической партии «Bunte liste», в составе которой действовала антиклерикальная рабочая группа) подал жалобу в Европейский суд на нарушение его прав на уважение личной жизни и неприкосновенности жилища действиями органов расследования, которые произвели обыск в принадлежащей ему адвокатской конторе. Обыск был произведен по делу, возбужденному в отношении Клауса Вегнера. Этим именем, как впоследствии выяснилось, вымышленным, было подписано письмо, адресованное судье районного суда, содержащее угрозы и обвинения судьи в проклерикальной позиции при рассмотрении уголовного дела.

В решении по делу Нимитца Европейский суд указал, что нет принципиальных оснований, чтобы понимание «личной жизни» в смысле ст. 8 Конвенции исключало деятельность профессионального и делового характера; именно в своей работе большинство людей имеют значительное, если не наибольшее количество шансов развивать отношения с внешним миром. Эта точка зрения подтверждается тем фактом, что не всегда возможно четко разграничить, какая деятельность человека составляет часть его профессиональной или деловой жизни. Таким образом, особенно в случае, когда человек имеет гуманитарную профессию, его работа в таком контексте может стать неотъемлемой частью его жизни до такой степени, что становится невозможным определить, в качестве кого он действует в данный момент времени.

Лишение человека защиты по ст. 8 на том основании, что мера, против которой подана жалоба, относится к профессиональной деятельности, в данном случае рискует привести к неравенству, поскольку такая защита могла бы остаться доступной лишь для того, чья профессиональная и непрофессиональная деятельность настолько тесно переплетены, что нет никакой возможности их разграничить².

В решении по делу «Чапелл против Соединенного Королевства» Европейский суд указал, что связь обыска с деловой активностью не является основанием для исключения применимости ст. 8 Конвенции. Европейский суд также указал, что вести деятельность, которую можно отнести к профессиональной или деловой, можно с таким же успехом и со своего места жительства, и наоборот, можно заниматься делами, которые не относятся к профессиональной сфере, в офисе или коммерческих служебных помещениях. Узкое толкование слов *home* и *domicile* может привести к такой же опасности неравенства, как и узкое понимание «личной жизни»³.

Таким образом, Европейский суд связал понятия жилища не столько с функциональным назначением того или иного помещения и приспособленностью его для проживания, сколько с использованием его для ведения личной жизни.

В итоге Европейский суд сделал вывод о том, что в деле Чапела имело место нарушение ст. 8 Конвенции, и указал, что «если говорить в общем, толкование слов “личная жизнь” и “жилище”, как охватывающих некоторую профессиональную и деловую активность или служебные помещения, было бы более созвучно с предметом и целью ст. 8, а именно с защитой отдельных лиц от своеговольного вмешательства властей»⁴.

Основное различие между нормой, закрепленной в ст. 8 Конвенции, и нормами российского национального права о неприкосновенности жилища, уважении частной жизни и тайны корреспонденции, телефонных переговоров и телеграфных сообщений состоит в следующем. Российские Консти-

туция и УПК придают отдельное самостоятельное значение каждой из перечисленных ценностей и применительно к каждой из них устанавливает пределы и порядок допустимых ограничений⁵. Конвенция же подразумевает, что право на неприкосновенность жилища (равно как и право на тайну корреспонденции, телефонных переговоров и телеграфных сообщений, охраняемое той же нормой) является элементами права на неприкосновенность частной (личной) жизни. Именно поэтому право на неприкосновенность жилища не сводится Европейским судом к праву на неприкосновенность помещения, предназначенного или фактически используемого для проживания.

Решением по делу «Общество “Кола Эст” и другие против Франции» Европейский суд признал наличие нарушения права на неприкосновенность жилища действиями инспекторов добросовестной конкуренции по осмотру штаб-квартир и местных отделений дорожно-строительных компаний без согласования с руководством компаний и изъятию тысяч документов на основании Ордонанса 1945 г. о расследованиях по уголовному преследованию и пресечению преступлений в сфере экономики, не предусматривающего санкции и надзора со стороны судебных органов. В данном решении Европейский суд указал: «В порядке дальнейшего развития практики динамичного подхода к толкованию положений Конвен-

ции в части, касающейся понятия “жилище” и прав, предоставленных компаниям, следует признать, что права, гарантируемые данной статьей Конвенции, могут быть истолкованы таким образом, чтобы предусматривать права компаний на уважение помещений штаб-квартиры, местных представительств и торговых помещений»⁶.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что понятие «жилище» в нормах УПК РФ получило более узкую трактовку по сравнению с толкованием данного понятия Европейским судом в целях реализации положений ст. 8 Конвенции. Российский уголовно-процессуальный закон, в отличие от Конвенции, связывает понятие жилища исключительно с фактом использования для проживания, что следует из п. 10 ст. 5 УПК РФ. Следовательно, нормы УПК РФ требуют определенных изменений. Представляется, что реализации положений ст. 8 Конвенции на предварительном расследовании в российском уголовном процессе будет способствовать дополнение ч. 2 ст. 29 УПК РФ, указывающей на процессуальные действия, производство которых допускается только на основании судебного решения, такими процессуальными действиями, как обыск и выемка в помещении или строении, используемом для служебной либо иной деятельности определенного ограниченного круга лиц, огражденной от чьего-либо постороннего вмешательства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ УПК РФ не требует судебного решения о производстве обысков в адвокатских конторах, в то время как в соответствии с ч. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» проведение любых следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения. С учетом приоритетности УПК перед другими Федеральными законами (ч. 1 и 2 ст. 7 УПК РФ) на практике получили распространение случаи производства обыска в адвокатских конторах без судебного решения, не требуемого УПК. Однако 8 ноября 2005 г. было вынесено Определение Конституционного Суда РФ № 439-О по жалобе граждан С. В. Бородина, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав ст. 7, 29, 182 и 183 УПК РФ, в котором констатировано, что положения ст. 29 УПК РФ в их конституционно-правовом истолковании, вытекающем из сохраняющих свою силу решений Конституционного Суда Российской Федерации, и в системном единстве с положениями п. 3 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не предполагают возможность производства обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования без принятия об этом специального судебного решения. В проекте Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Россий-

ской Федерации и Федеральный закон “Об оперативно-розыскной деятельности” в связи с принятием Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”» предусматривает введение в УПК РФ правил, исключающих производство следственных действий в отношении адвоката, в том числе и обысков в адвокатской конторе, без судебного решения.

² П.29 Решения по делу Нимитц против Федеративной Республики Германия от 16 декабря 1992 года // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000.

³ П. 26 и 51 Решения по делу Чаппел против Соединенного Королевства от 30 марта 1989 года // Серия А. Т. 152 –А. С. 12–13, 21–22.

⁴ П.31 Решения по делу Чаппел против Соединенного Королевства от 30 марта 1989 года // Серия А. Т. 152 –А. С. 12–13, 21–22.

⁵ Примечательно, что конвенционные и российские национальные правовые нормы, в соответствии с которыми требуется судебное решение на производство обыска в адвокатской конторе, имеют различную целевую направленность. Целью российских правовых норм является защита права клиента адвоката на юридическую помощь посредством установления гарантий адвокатской тайны. Целью конвенционных норм является защита права самого адвоката на тайну частной (личной) жизни.

⁶ Решение по делу «Общество “Кола Эст” и другие против Франции» от 16 апреля 2002 года (№ 37971/97) // Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 г. / Научн. ред. Ю. Ю. Берестнев, М. В. Виноградов. М., 2004. С. 201, 202.